

Куранты - 1994 - 18 июня - с. 4

В Киноцентре на днях был творческий вечер Никиты Михалкова. Билеты — дорогие, по 10 тысяч — оказались раскупленными заранее, и мне стоило трудов добыть «лишний». Очень хотелось увидеть новый фильм Михалкова «Анна с 6 до 18», обещанный в финале вечера, да и услышать от самого режиссера, что он счел нужным и важным поведать зрителям в первой своей неигровой, публицистической картине.

Творческий вечер — всегда праздник, акт чествования кумира. В фойе Киноцентра гремела музыка из михалковских фильмов. Большие и малые телеэкраны показывали фрагменты из «Я шагаю по Москве», «Родни», «Жестокого романса»... Вот Михалков совсем юный, еще молодой, уже в зрелом возрасте. Михалков — актер, Михалков — режиссер, Михалков — актер и режиссер одновременно...

Разглядывая публику в фойе, я пытался понять: кто сегодня поклонники Никиты Михалкова? Люди, что пришли в Киноцентр, были в основном солидные — сорокалетние и старше. Среди узнаваемых лиц — Александр Ружков (Никита Сергеевич всегда много и охотно говорит о дружбе с вице-президентом) и Илья Константинов. Является ли последний также задушевным товарищем режиссера или просто поклонником его творчества, не знаю и домысливать не хочу. Тем не менее присутствие общественных деятелей определенного толка на таком вечере говорит о многом.

Политика все больше засасывает Никиту Михалкова. Он все чаще и резче высказывается печатно и устно по «общим вопросам» нашего бытия. Естественно, политические лидеры, печально и не печально известные, не прочь заполучить знаменитого режиссера и актера в друзья, в единомышленники, а то и в соратники. Со Станиславом Говорухиным это удалось. Неужто удастся и с Михалковым?

Ответ на этот вопрос прозвучал буквально через несколько минут, причем в весьма оригинальной форме. Прежде чем Никита Сергеевич появился на сцене, на экране пошли фрагменты из его фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих». Герой Михалкова в широкополой шляпе и длинном пальто шагает по рельсам навстречу надвигающемуся паровозу. Никакого страха и трепета, он полон решимости этот поезд остановить... Еще фрагмент: чекист и белый офицер яростно дерутся за право овладеть сокровищами. А герой Михалкова — в стороне, равнодушно наблюдает за классовой схваткой. Ему до лампочки — что красивые, что белые. Он сам по себе.

В зале вспыхивает свет. На сцене — Никита Сергеевич, российский гражданин и деятель искусства, который — как только что «проезжал» с экранов — ни с белыми, ни с красными, он сам по себе. Но готов встать на рельсы, чтобы остановить идущий куда-то «не туда» поезд российской жизни.

Первые слова Михалкова со сцены в зал: «В основном я хотел бы с вами поговорить, узнать ваше мнение...» Потом — про нашего брата, про журналистов: «Мне известно, тут много пришло прессы. И я знаю, мои слова пресса трансформирует так, как нужно их изданиям». Чем же мы так пренебрежали Никиту Сергеевича? Он не сидит с телеэкрана и газетных полос. Да, кто-то его хвалит — за фильмы, за политические демарши, а кто-то наоборот. Но это, извините, наше право.

Чуть позже Михалков пожаловался на недавнем Каннском фестивале он дал пятьдесят интервью западным корреспондентам, но ни один российский журналист к нему не подошел. Так вот, значит, в чем мы виноваты — мало о Михалкове пишем. Больше надо? Восторженнее?

Скромность вообще не была отличительной чертой Никиты Сергеевича на этом вечере. Он неоднократно подчеркивал, что незаслуженно «оттесняется в

тень» коллегами. Его «Очи черные» не получили в свое время достойного приза в Каннах из-за интриг члена жюри Элема Климова. Только что его картина «Утомленные солнцем» — после ее показа на Каннском фестивале — тоже не получила главного приза, и опять-таки из-за интриг. На сей раз — Катрин Денев что-то там «задолжала американцам».

Публика в зале сочувственно качала головами. Мне сочувствовать не хотелось. Мало кто из знаменитостей избегает болезней под названием «воспаленное самонимение». Но эта болезнь, между прочим, даже помогает достигать «недооцененным» новых творческих высот: возникает как бы двойное соревнование — с реальными недоброжелателями и с воображаемыми. Я терпеливо ждал, когда Никита Сергеевич начнет рассказывать о своем новом фильме. И вот что он рассказал.

Картина снималась 13 лет. Когда его дочери Анне исполнилось шесть, он поставил ее перед кинокамерой и начал задавать самые простые вопросы:

«Ничего не стоит обвинять в искажениях, передерживании и так далее. Может быть, вообще не стоило этот фильм выпускать в мир. Но... это жизнь моей семьи и моей страны...»

Больше Михалков к новому фильму на этом вечере не возвращался. Немного поговорил о деятельности своей студии «ТТТ» — Товарищество, Творчество, Труд. Затем немного поговорил, как бы между делом, о политике: «Мы не страна, мы — территория, мы не народ, мы — население». «В нашем доме крыша прохудилась, все течет, а потому надо созидать, а не разрушать. Это сейчас для меня главное». Затем начал отвечать на записки. На хитроватый вопрос: «Как вы относитесь к батюшке вашему — автору Гимна Советского Союза?» последовал такой же хитроватый ответ: «Отец — прекрасный детский поэт, на стихах которого выросло несколько поколений россиян». Из вороха записок-вопросов мне показалась действительно интересной только одна: «Источает ли вашу душу злоба?» Ответ: «Вы что, мое кино не видели? Разве злоба может

кову все это пока не волнует. — Чего ты больше всего боишься? — Бабу Ягу. — Чего больше всего хочешь? — Живого крокодила. — Чего больше всего не любишь? — Суп, который называется борщ».

8 августа 1981 года. Дочери 7 лет. Что ты любишь? — Природу. Не любишь? — Плохих людей. — Что тебе хочется? — Чтобы я хорошо себя вела. Отец за кадром голосом комментирует: у Анны появился страх неправильно ответить. Жизнь начала ее ломать.

Похороны Брежнева. Траурная церемония у Кремлевской стены. — Что ты больше всего хочешь, Аня? — Чтобы весь советский народ никогда не забывал товарища Леонида Ильича Брежнева. Детское личико в слезах. Смерть партийного вождя сокрушила ее сердце. Она уже типичный советский человек, поверивший в ложных богов и ложный рай на земле.

Умер Черненко — Аня и его проводила почти теми же словами, что и Брежнева. Умер Андропов — то же самое: «Сегодня никаких радостей нет».

И я вдруг почувствовал, что

не или внутри прекрасного загородного дома Михалковых. Вы сами вспоминаете, как здесь всегда было приятно, мило — в кругу большой семьи. Выходит, Аня росла в семье умных, интеллигентных, художественно одаренных людей. Один дел чего стоит — знаменитый детский поэт, а не только автор Гимна СССР. Да как же такая семья — и вы сами в первую очередь — позволили, чтобы Анечку у вас отобрали и начали превращать в зомби?

Нет на этот вопрос ответа в фильме. Полное молчание. Что это — досадный просчет режиссера? Да нет, скорее уход от опасной темы. Нежелание признать, что семья была либо «правовой», потому и не пыталась оградить ребенка от партийно-государственного воспитания, либо, что совсем ужасно, семья Михалковых сознательно, все зная и понимая, избрала себе стезю верного служения чудовищному режиму и вождям этого режима. И отдала Аню на заклятие, в жертву красному богу.

Возможно, существовал и какой-то третий вариант, четвер-

ских целей использовать собственную дочь? Для меня этот вопрос риторический. А потому — Бог ему судья!

А фильм тем временем продолжал удивлять меня неординарностью, расхожестью своего взгляда — теперь уже на новейшее российское время. Михалков стал убеждать меня с экрана, что горбачевская перестройка обернулась не созиданием, а разрушением — в первую очередь общественной нравственности...

На экране — конкурс московских красавиц, мало чем отличающийся от стриптиза. Новый кумир на эстраде — Сергей Крылов — потешает публику, снимая штаны. Вот витийствует на телеэкране Кашпировский... Все эти кадры сняты в сатирическом ракурсе, а потому отношение Михалкова к этим новым российским кумирам явлено четко: «Тыфу на вас! Стинг, нечистая сила!» Ну наконец-то Никита Сергеевич начал высказывать что-то свое, не всеми россиянами разделяемое. Наконец-то дал возможность хоть кому-то не согласиться с ним и

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ ИЛИ ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ?

Заметки о творческом вечере Никиты Михалкова и о его новом фильме

■ МИХАЛКОВЫ: семейный портрет в интерьере давних лет.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.

Что ты больше всего хочешь? Чего больше всего боишься? Что больше всего любишь? Что больше всего не любишь?.. И затем каждый год — пока ей не исполнилось 18 — отец перед кинокамерой повторял свои вопросы. Четкого замысла будущего фильма поначалу не было. Создавался семейная кинохроника. Но однажды Михалков понял: он снимает, по сути дела, фильм о том, как советская империя превращает в свою собственность его дочь.

Как в ней появляется неискренность, стремление сказать не то, что она думает, а то, что надо сказать... Иными словами, личный дневник перестал быть личным, он волей-неволей превратился в повествование о тринадцати годах жизни его семьи и его страны. Оставалось добавить к 13 интервью кинохронику, обозначить внешние события в стране. Конечно, в фильме очень субъективный взгляд автора на прожитое страной вре-

подвигнуть сделать то, что люди хотят смотреть еще и еще раз?». Ответ прозвучал искренне.

Наконец настал черед фильма. Все последующие полтора часа я смотрел на экран с напряжением, стараясь в каждом кадре нового михалковского фильма яснее разглядеть, четче услышать, вернее понять его, михалковский, взгляд на свою и нашу недавнюю и нынешнюю жизнь. Талантливые художники ведь обладают порой неким сверхчутьем при анализе прошлого, на что не способны даже самые способные историки.

А на экране шла хорошо знакомая кинохроника. Год 1980-й. Леонид Ильич на трибуне мавзолея. Вот целуется с Хонеккером. Вот дарит американскому сенатору свою фотографию. Взлетает космический корабль. Атомный ледокол крушит льдины... Советская империя демонстрирует мощь своей техники и немощь своих лидеров.

Шестилетнюю Аню Михал-

ков смотреть этот фильм скучно. Ведь уже ясна, давно ясна мысль режиссера: советская империя приватизировала Аню, как приватизировала миллионы детей и миллионы взрослых. И потому уже эта империя ужасна, порочна. Но вывод-то такой, мягко говоря, не нов, не оригинален, он из разряда общезвестных. Михалков оценивает эпоху Брежнева и двух его наследников на престоле самыми банальными кинокадрами и самыми банальными комментариями. Ступо михалковское на экране — только его дочь Анна.

Никита Сергеевич хочет, чтобы мы разделили с ним печаль отца, у которого фактически отняли дочь — коммунистические вожди, коммунистическая идеология, коммунистическое воспитание подрастающего поколения. Конечно же, это трагедия. Но, позвольте, Никита Сергеевич, разве ваша Анячка росла в детском доме, без отца, матери, бабушки и дедушки? Свой интервью Аня дает на фо-

тый, пятый... Мне, зрителю, в конечном счете все равно — какой. Не большое это удовольствие — лезть в чужие семейные тайны. Но ведь Никита Михалков сам взялся рассказывать о своем ребенке, о своей семье — лукавить-то тогда зачем?

Фильм назван «Анна с 6 до 18», а не «Россия с 1980-го по 1993-й». Кинохроника, следовательно, должна была стать лишь фоном — пусть и очень существенным, на котором прослеживается детство, отрочество и юность Ани Михалковой. Но получилось-то наоборот: главным действующим лицом в картине стали кинодокументы, а девочка Аня Михалкова оказалась лишь их бледным, а самое главное — искусственным отражением.

С помощью умолчания правду не открывают и истину не проповедают. Умолчание — прием корыстный, пропагандистский. Это оружие не художника — политика. Стоило ли режиссеру ради своих политиче-

даже поспорить. Увы, возможностей поспорить с Михалковым оказалось в фильме мало — до обидности, до досады. Перейдя от эпохи Горбачева ко времени Ельцина, к которому у Михалкова неоднозначное отношение, фильм вообще лишился каких-либо конкретных оценок.

...Толпа мужиков в рабочих робах. Покуривают, чего-то или кого-то ждут. Текст: «А народ все жлет, когда наконец ему дадут возможность спокойно жить и работать!» Сцена охоты на волков с вертолета: они мечутся и бессильно падают, оставляя на снегу кровавые следы. «Идет охота на волков» не упоминается, но это явный паравраз знаменитой песни Высоцкого — та же символика, тот же «подстрочный» смысл. Печален взгляд Михалкова на дни нынешние. Суров даже. Зато в дочке наметились благие перемены.

Восемнадцатилетняя Аня плачет, говоря о России, с которой «должна» расстаться на 2 года — уезжает в Швейцарию. Вернется ли? «Где ты хочешь жить?» — «Здесь, безусловно». — «У нас хуже?» — «У нас лучше!» И Аня заулыбалась. Нет, эта девочка уже не зомби. Она сбросила с себя «наваждение». Она стала истинной патриоткой — своей земли и своей страны. Она теперь с отцом своим единомышленница, то есть любит Россию прежде всего не умом — сердцем.

Последние слова фильма: «У каждой страны своя дорога, и нам свою надо пройти самим, без подсказки». С волнением и патетикой произносит эти слова Михалков. Этими словами сформулирована его Вера, по крайней мере на сегодняшний день. Но нам-то, зрителям, даже если мы и согласимся с ним, такой формулировки мало.

Если бы меня попросили охарактеризовать этот фильм одним словом, я бы сказал — приговор. Только вынесен он без суда и следствия, а единственный свидетель обвинения случайно оказался родственником прокурора. Этокое своеобразное применение в творчестве печально знаменитой 58-й статьи «прим».

Художественные таланты Никиты Михалкова не нашли на сей раз применения, а политиком он показал себя начинающим.

С грустью на сердце покидал я Киноцентр. С печальной мыслью: мною любимый режиссер и артист сделал шаг в сторону от искусства. Захочет ли вернуться? Сумеет ли?..

Юрий СКВОРЦОВ.

Михалков невеста

18.06.94